

В. И. ПИЧЕТА

Исторические взгляды и методологические приемы В. О. Ключевского

Тяжело сознавать, что Василия Осиповича Ключевского уже нет во главе русских историков, но чем тяжелее воспоминание, чем острее боль, тем сильнее является желание охарактеризовать его плодотворную и многогранную научную деятельность и разобраться в том бессмертном наследстве, которое оставил осиротевшей семье историков ее «патриарх», учитель и товарищ. Конечно, это работа слишком трудная и ответственная, да и выполняема она только дружными коллективными усилиями. Слишком был разносторонен и широк талант В. О., слишком разнообразна и глубока была его научная мысль, что во всем этом драгоценном научном наследстве мог разобраться один человек.

Ведь никто не станет отрицать, что вся наша историография последних двух десятилетий тесно связана с именем В. О. От него все исходило, и на всех он оказывал прямое или косвенное воздействие: одни изучали и разрабатывали вопросы, впервые намеченные и затронутые В. О., другие обратились к изучению и разработке той архивной сокровищницы, к которой чуть ли не впервые прикоснулся В. О., показавший в своих трудах, какое богатство непечатого материала, к которому еще не прикоснулась рука исследователя, там хранится, какое первостепенное значение он имеет для изучения народной жизни и для выяснения исторического облика русского народа.

Я не говорю о том, что мастерские методологические приемы изучения источников, впервые примененные В. О., всегда останутся образцом для всякого исследователя, к какой бы области исторического знания он не примыкал бы. Скрупулезность анализа и осторожность в выводах — точное понимание смысла источника и нежелание брать больше из источника, чем он может дать — на-

всегда должны остаться «священным заветом» для осиротевшей семьи русских историков. Я, конечно, не преувеличу, если скажу, что в настоящее время в русской историографии живет и дышит дух Ключевского, все равно примыкает ли исследователь к нему или уходит от него в ту или другую сторону.

Его влияние коснулось не только историков, но и историков-юристов, в трудах которых стало чувствоваться биение пульса настоящей жизни народа. Можно сказать, что его влияние вышло за пределы русской историографии; коснулось даже украинских историков, которым пришлось считаться с выводами и наблюдениями В. О. относительно исторических судеб украинского народа, как не были случайны и кратки его наблюдения над ними. Ведь они всегда отличались крайнею осторожностью и в то же время обоснованностью.

На все историческое мировоззрение В. О. сильно оказывало влияние пребывания в Московском университете. Шестидесятые годы — заметная эпоха в истории Московского университета и, в частности, русской историографии. Кончился диалектически-философский период русской историографии. Начало торжествовать научно-реалистическое направление, связанное с именем С. М. Соловьева и ставившее своей задачей постепенный естественный подбор реальных отношений, из которых сплетается история народов, отрицавшее какой бы то ни было предусмотренный план во всемирной и национальных историях. Это направление, конечно, оказало сильное воздействие на историко-философские взгляды В. О., и то, что в нем было прочно обосновано, тому В. О. оставался верен и впоследствии, когда более точные наблюдения над фактами обнаружили призрачность многих исторических построений, еще недавно казавшихся несокрушимыми. В последнем случае В. О. шел сам своей собственной дорогой, резко порвав идейную нить, связывавшую его с историко-юридической школой, и чем определеннее становились историко-философские взгляды В. О., тем интереснее и живописнее становилась научная дорога, по которой в годы молодости шествовал В. О.

Привычка не только описывать явление, но и вдумываться в его внутренний смысл, быть не только художественным рассказчиком, но и историком-социологом — позволило В. О. во многом порвать с традицией и подвинуть значительно вперед научно-реалистическое направление в русской историографии, прийти к целому ряду замечательных историко-философских наблюдений, совершенно видоизменивших взгляды на ход исторического процесса и на задачи и методы исторического изучения. В этом отношении Ключевский

произвел историко-методологическую революцию, чреватую последствиями. Но не все, конечно, сразу согласились с ним.

В. О. был ближайшим учеником С. М. Соловьева. С последним у него очень много точек соприкосновения, но едва ли не больше расхождения. Это расхождение довольно рано началось, чуть ли не на студенческой скамье, когда талантливый студент, ловя мысли своего учителя, вдумывался скорее не в то, что было сказано, а в то, что находилось между строк, что было возможно обобщить на основании отрывистого и разбросанного материала сообщенного с кафедры Соловьевым. В. О., конечно, не мог не заметить некоторой односторонности в историко-философских взглядах С. М. Его по некоторым вопросам притягивала к себе славянофильская школа, в некоторых трудах которой, казалось, бился пульс настоящей исторической жизни народа и которая высказывала более правильные суждения относительно ближайших задач и целей исторического значения. Но славянофильская школа ценна своими отдельными историческими замечаниями — ей не удалось дать полную историю русского народа, в противовес истории Соловьева, поэтому в методологическом отношении она не могла оказать большого влияния на В. О. Будучи близок к славянофилам в вопросах исторического изучения, В. О. тем не менее работал под непосредственным влиянием С. М. Соловьева. Цельное мировоззрение последнего, хотя и несколько одностороннее, всегда обаятельно притягивало к себе В. О., старавшегося уловить и понять сущность и темп органического развития русского народа. К тому же Соловьев, при всей своей односторонности, всегда оставался на почве фактов и никогда в своих исторических построениях не касался никаких метафизических вопросов, не имеющих ничего общего с задачами и предметом исторического знания, к которым была так склонна славянофильская школа. Общение с Соловьевым позволило В. О. усвоить ценное свойство своего учителя — иметь дело только с историческими фактами и только, оперируя с ними, высказывать те или другие суждения. В этом отношении Соловьев так много дал своему ученику, столь многому его научил, что В. О. имеет полное право сказать, что Соловьев, «как памятник еще долго будет служить первым указателем пути даже для того, кто далеко разойдется с ним в своих последних выводах», как это случилось с самим В. О. Но зато С. М. Соловьев первый заговорил о закономерности исторического процесса и взаимодействии ряда условий и причин.

Историко-философские взгляды С. М. Соловьева, конечно, были слишком односторонни. Он, собственно, писал и читал не историю

русского народа, а историю русской государственности, будучи близок к схеме Карамзина. В исторических трудах Соловьева народ появляется весьма редко на исторической авансцене. Он не похож на живую группу. Это скорее театральные статисты, одетые в разного рода костюмы и симметрично расставленные режиссером, но зато стесненные в своих движениях и стремлениях. Для Соловьева в установлении государственности и в борьбе с антигосударственными началами вся сущность русской истории. Исторический процесс идет сверху вниз, а не наоборот. В этом отношении исторический процесс русского народа отличается заметным своеобразием. Судьбы народа мало похожи на историческое прошлое западноевропейских народов. Эту мысль своего учителя всегда поддерживал В. О., впрочем, находивший в нашей истории те же элементы, что и в западноевропейской истории, но только в совершенно иных сочетаниях. Он оставался верен даже тогда, когда некоторые наблюдения над нашим историческим прошлым позволили расстаться с мыслью о своеобразности нашего исторического процесса и дали достаточные основания для установления параллельных моментов в истории Западной Европы и России. Впрочем, никто так много не сделал в этом отношении, как сам В. О., отстаивавший своеобразие исторического процесса и отрицавший существование у нас феодальных отношений и в то же время давший полную картину этих отношений, правда, бывших в зародыше и не успевших развиться в полной мере.

Давая историю государства, С. М. Соловьев, конечно, касался и других вопросов, в особенности истории сословий, призванных к бытию и организованных волею верховной власти — сознательно стремившейся к телеологической цели — созданию государства. Конечно, все эти наблюдения Соловьева, поскольку они были основаны на фактическом материале, давали Ключевскому определенный комплекс знаний, в которых пришлось ему разобраться несколько позже, когда определилось более точно историко-философское мировоззрение В. О., когда он поставил своей задачей изучение не истории русского государства, а истории русского народа, когда у него явилось желание выяснить исторический облик русского народа, что это необходимо для ближайших целей исторического знания, так как, по фигуральному выражению В. О., «жизнь изменяется усилиями и ошибками отдельных масс». Давая историю государства, Соловьеву приходилось коснуться вопроса о движущих силах нашего исторического процесса. Для С. М. человеческая личность и внешняя природа являются едва ли

не основными факторами, определявшими закономерность нашей истории. Этим же объясняется, почему Соловьев придавал огромное значение духовному началу в истории — совершенно игнорируя материальные условия жизни русского народа, под влиянием которых складывался его быт, его нравы, его занятия. Какое значение для Соловьева имела личность в истории, это ясно из той оценки деятельности московских князей как создателей государственности, какую можно найти в его истории, и из преувеличенной оценки исторической личности Петра, поставленной им вне общества и над ним, так что та связь, которая, по словам Соловьева, существовала между преобразователем и русским народом, скорее чувствовалась, чем сознавалась. Ключевский также придает огромное значение «внешней природе» как историческому факту. История русской страны — есть история страны, которая колонизируется. Таково основное убеждение В. О. И уже в классическом труде, «Боярской думе», показано, какое могучее влияние оказала природа на ход нашей истории. Характером природы русской равнины объясняется первоначальная разбросанность славянской колонизации и быт славянства. Речными бассейнами направлялось географическое расселение русского народа, а в зависимости от размещения определялось и политическое положение страны. Это влияние природы особенно сказывается в днепровском и удельно-княжеском периоде нашей истории, когда, с одной стороны, зоологические богатства и торговые артерии давали тон хозяйственной жизни народа и определяли его государственное единство, а с другой стороны, система рек и речек, изрезающих вдоль и поперек северо-восточную Русь, — явились основанием для формирования особых территориальных единиц, ставших основой нового политическая деления страны. Открытые восточные и южные границы страны, с их естественными богатствами, всегда тянули к себе русского человека, но в то же время потребовали от него колоссального напряжения физических сил, отчего задержалось его духовное развитие. Если для Соловьева — природа русской равнины является мачехой для народа, то и для Ключевского — географическое устройство нашей равнины весьма неблагоприятно сказалось как на культуре самого народа, так и на политическом укладе страны. Но природа страны определяла не только политическое строение страны. Под ее влиянием складывался хозяйственный быт населения, в зависимости от которого определилось и общественное положение человека. Так объясняет В. О. преобладание торговли в днепровской Руси и земледелия в Руси северо-восточной. То же влияние природы подчер-

кивается В. О. в своем курсе и при изучении других исторических периодов в жизни народа.

В. О. резко разошелся с Соловьевым в вопросе о роли личности в истории. Для Ключевского, изучающего «строение» общества, неизвестна личность сама по себе, отдельно от общества. Ключевский изучает личность не саму по себе, а ее проявление в зависимости от влияния той общественной среды, частью которой она является и под влиянием которой формируются политические понятия и привычки. Вот отчего у Ключевского личности не выступают на историческую сцену с какими-то телеологическими целями. Их взгляды меняются, становятся другими, но все это отнюдь не является результатом их личного характера, их темперамента. Их мировоззрение постепенно видоизменяется под влиянием факторов политических и экономических. Раз Ключевский пришел к иному выводу относительно роли личности в истории, то ему пришлось на многие исторические вопросы дать иной ответ сравнительно с Соловьевым. Ибо для последнего на первом плане сознательно действующая личность, для Ключевского же — общество, в котором растворяется личность и теряет свои индивидуальные черты.

Ключевский тоже считается с образованием в северо-восточной Руси иных политических миров, новых пригородов, только последнее становится им в связь с колонизацией страны, а не с деятельностью князей, взгляды которых сформировались и приняли новый характер под влиянием привычек и навыков вновь образовавшейся общественной среды. Еще резче расходится Ключевский с Соловьевым в оценке деятельности московских князей, для Ключевского образование Московского государства — это дело рук общества. Личному вмешательству князей следует отвести третьестепенное место: «Московские князья, — по словам Ключевского, — были такою же второстепенною производной причиной возвышения московского княжества, какою напр., было содействие плотного московского боярства, привлеченного в Москву удобным ее положением». Ключевский не видит никакой оригинальности и самостоятельности в деятельности князей. Их физиономии, их привычки и движения так похожи друг на друга, что наблюдатель иногда затруднится решить, кто из них Иван и кто Василий. В их деятельности заметны некоторые индивидуальные особенности, но они объясняются различием возраста князей или исключительными внешними обстоятельствами, в которые попадали некоторые из них — эти особенности не идут далее того, насколько изменяется деятельность одного и того же лица от таких условий. Конечно, при

таком отношении к роли личности в истории, и оценка исторической личности Петра будет у Ключевского несколько иная, чем у Соловьева. Для последнего — Петр сознательный вождь русского народа, ведущий его по пути преобразований, которые смутно сознавались в глубине народной массы. Ключевский же полагает, что весь XVII век является подготовкой деятельности Петра, в целом виде намеченной просвещенными современниками. По его словам, в Петре гораздо более допетровского, чем петровского. Его административные и сословные реформы являются весьма удачным «соединением элементов старины в несколько иные сочетания». Несомненно, Петр много брал у Запада — технические средства для устройства армии и флота, мероприятия для развития народного хозяйства, — но все они не сохранили подлинных черт своего оригинала и довольно скоро переделывались на московский лад. В деятельности Петра, в противоположность Соловьеву, Ключевский не видит никакой программы, никакого сознательно-обдуманного плана. Сама реформа больше всего зависела от хода Северной войны. Многие из преобразовательных мер постольку привлекали внимание Петра, поскольку они могли содействовать более быстрому удовлетворению реальных нужд армии и флота. Смотря так на реформу Петра, Ключевский тем не менее останавливает свое внимание на личности Петра. Он, несомненно, смотрел гораздо дальше вперед своих современников. Мысль Петра вечно была занята всевозможными проектами, осуществление которых должно было содействовать культурному и экономическому прогрессу страны. Многие из этих мероприятий на деле не привились — слишком были неподходящие условия русской жизни для выполнения этих далеких планов, да к тому же более приходилось думать не об этих теоретических планах, осуществление которых возможно было только в очень далеком будущем, а об удовлетворении действительных нужд страны, настоятельно говоривших о самих себе.

Вот почему все планы, преломляясь сквозь призму московской действительности, оказывались на деле несколько иными, чем они отливались в сознании Петра. Неудача многих мероприятий Петра объясняется внешним и внутренним положением страны, но Ключевский, вслед за Соловьевым, готов признать, что с Петра начинается новый период истории. Этот новый момент сказался не столько во внутреннем культурном состоянии России, сколько в радикальном изменении международного положения государства: «Из забытого Европой арьергарда, оберегавшего тыл европейской цивилизации, Россия стала государством, впервые деятельно всту-

пившим как органический член в семью европейских народов». Правда, эта точка зрения уже выдвигалась Соловьевым, но для него она в деятельности Петра имеет второстепенное значение, тогда как для Ключевского именно в этом и заключается вся историческая ценность реформ Петра, и по существу реформа «если не обновила, то взбудоражила, взволновала русскую жизнь до дна своими не столько нововведениями, сколько некоторыми приемами, не характером своим, а темпераментом».

Ключевский, как и его учитель, видит сущность исторического процесса в постепенном движении, видоизменении форм человеческого общежития. Но, сходясь в основных взглядах, они по существу расходились по вопросу о предмете исторического знания. Внимание Соловьева привлекали по преимуществу духовные факторы человеческого общежития, — имеющее для него первостепенное значение в историческом процессе. Материальные факторы остаются вне поля зрения Соловьева. По мнению последнего — народ, в жизни которого преобладают материальные интересы, — обречен на историческое увядание.

Ключевский держится как раз обратного взгляда. Его внимание привлекают экономические факторы, коими определяется политическое строение общества. Поэтому задача историка и состоит по преимуществу в изучении экономических и социальных явлений, поскольку вместе с ними определялось политическое деление и общественное состояние страны, мысль, положенная в основу «Боярской думы» и других работ и с определенной отчетливостью проведенная в курсе русской истории.

Оставляя за экономическими и политическими факторами чисто методологическое значение, Ключевский все свое внимание сосредоточивает только на них, и в изучении различных их сочетаний им объясняются основные этапы в исторических судьбах русской народности, до сих пор остававшейся вне поля зрения историков.

Свое тяготение к экономическим и политическим факторам Ключевский обнаружил довольно ясно еще в своей кандидатской работе — «Сказание иностранцев о Московском государстве»¹. Эта работа очень характерна для молодого Ключевского. В ней сказана не только художественная манера письма историка, но и его методологические приемы — мастерской анализ изученных явлений и фактов. Подбирая разбросанные известия иностранцев, Ключевский немало своего внимания отдает изучению материальных сторон жизни народов, справедливо замечая, что «нравственная — гораздо менее открыта для постороннего взгляда». И тут уже

была попытка известные ему явления общественной и политической жизни поставить в связь с экономическими факторами. Если в своих «Жития святых как исторический источник» Ключевский обнаружил мастерской анализ жития и показал настоящую ценность жития для народно-хозяйственной жизни, если с него снять научным скальпелем все позднейшие наслоения и освободить остов жития от его литературной обработки, то «Боярская дума» является первой попыткой дать историю учреждения на общем фоне социально-политической жизни страны, ставя последнюю в непосредственную связь с экономическими факторами. Эта работа составила эпоху не только в истории самого вопроса, но и в истории самой науки. После нее приходилось идти или по пути, проложенному Ключевским, или, уйдя от него, доказать несостоятельность социологических идей и методологических приемов. Вокруг нее загоралась жаркая полемика, отголоски которой можно было слышать даже в наши дни. И до Ключевского занимались боярской думой. Ей отводится видное место Загоскиным в «Очерках служилого сословия» и в «Истории права Московского государства»². Несомненно, между обоими авторами найдутся общие точки соприкосновения в выяснении юридического положения высшего правительственного учреждения, но едва ли между ними не больше разницы, чем сходства.

Это расхождение объясняется не только тем, что в руках Ключевского было гораздо больше изданных и неизданных материалов, чем у его предшественника. Основная причина — разница в их методологических приемах и исторических воззрениях. Первый исследователь — историк права. Его интересует не столько процессы возникновения и образования, сколько уже отлившееся и оформившееся учреждение. Он тщательно подбирает материалы для юридической конструкции «Боярской думы». Правда, и Загоскин подметил некоторую зависимость «Боярской думы» от состава служилого сословия, но отношение последнего к первой рассматривается сквозь призму историко-юридической школы. За «Боярской думой» не видно служилого сословия, высшие чины которого туда попадали.

Для Ключевского изучение правительственных учреждений — «это изучение не только механизма частей машины, но и того, как они свинчены». Перед исследователем всегда остается сырой материал, из которого они составлены. Вот отчего центр исторического изучения переносится на изучение этого социального состава, ибо в истории правительственных учреждений, повторяет Ключевский,

строительный материал часто важнее строения. Изучение строительного материала наших высших государственных учреждений — это изучение процесса образования нашего государственного порядка, который «предстанет перед нами в несколько ином виде, чем теперь». И действительно, «Боярская дума» дает совершенно иную картину нашего исторического развития, картину, в которой, может быть, даже не все приемлемо.

«Боярская дума» — это история руководящего класса древнерусского общества. Перемены в исторических судьбах последнего влекут за собой перемены в политическом складе государства.

Изучение руководящего класса ставится в тесную связь с экономическими условиями жизни народа, ибо «господствующей капитал становится источником власти, его операции соединяются с привилегиями; его владельцы образуют правительство, экономические классы превращаются в сословия. Ключевский и не пытается юридически формулировать положение «Боярской думы» в системе наших учреждений, но изучение наших социальных отношений дает возможность Ключевскому отметить эволюцию в нашем высшем правительственном учреждении вплоть до того момента, когда «Боярская дума» из аристократического совета незаметно превращается в бюрократическое учреждение и переходит в петровский Сенат, т. е. в тот момент, когда в по-смутную эпоху стало крепнуть самодержавие, когда в определенную форму успели отлиться элементы, составлявшие служилое сословие.

Изучая хозяйственные условия страны и высший правительственный класс, Ключевский дает иную схему исторического прошлого, полагая сущность исторического процесса допетровской России в образовании национального государства, расширяя точку зрения, выставленную Соловьевым, — мысль, еще резче подчеркнутая в его курсе, в котором выдвигается на первый план стремление великорусского племени к политическому единству на народной основе и внешняя борьба на два фронта: с Литвой — за старинные русские земли, на юго-востоке — с татарами за христианскую цивилизацию. Еще прежде, чем образовалось это национальное государство, московским государям пришлось быть военными командирами и выразителями этого стремления. Устанавливая этапы в процессе образования высшего правительственного класса, Ключевский обратил внимание на несколько своеобразные политические и экономические отношения, создававшиеся в северо-восточной Руси в XIII–XV веках благодаря народной колонизации. Страна разделилась на уделы — исчезло государственное единство,

верховная власть разделилась между представителями княжеского рода, понятия публично-правовые перемешались с частно-правовыми отношениями. Выяснение юридической природы удела и его экономической физиономии — это огромная заслуга Ключевского. Теперь нельзя не разграничивать эпоху областного строя от эпохи удельной, хотя некоторые из историков-юристов до последнего времени остались верны старым схемам и построениям. В первоначальном характере власти московских государей Ключевский справедливо видит пережиток удельных традиций, и стремление отделаться от них привело к столкновению с правящим классом, сбитым с своих позиций экономическим кризисом XVI века и разгромленным в эпоху опричнины. К тому же в это время начинается и постепенная демократизация служилого сословия, благодаря исчезновению многих знатных фамилий. Образование национального государства и разрыв власти с пережитками удельной эпохи произвело радикальные перемены в положении «Боярской думы», превратившейся из княжеского совета по дворцовым делам в высшее правительственное учреждение с законосовещательными функциями, учреждение, успевшее отлиться в по-смутную эпоху. Боярскую думу стали наполнять приказные дельцы — управители центральных приказов, и она постепенно превращается в бюрократическое учреждение, сначала действовавшее с царем, а потом получившее возможность действий и без государя. Характеризуя боярскую думу в последний момент ее развития, Ключевский коснулся ее компетенции. Богатый фактически материал, им приведенный, блестяще показал, как разнородна была компетенция думы и как трудно юридически определить ее действительное положение в среде правительственных учреждений, если оставить без внимания историю высшего правительственного класса, для которого боярская дума была органом власти и влияния, местом формирования новых политических взглядов, понятий, средством борьбы за власть, в особенности в эпоху смуты. Значительно позже внимание Ключевского сосредоточилось и на другом правительственном учреждении — земских соборах в момент их появления³. И до Ключевского не было недостатка в литературе по этому вопросу, хотя сведения, собираемые литературой по поводу соборов XVI века, отличались некоторой сбивчивостью и неясностью.

Для исследователей земских соборов так и оставался неясным вопрос о составе представительства на земских соборах и о действительном значении их в русской истории. Правда, относительно последнего вопроса русская историография разбилась на два

лагеря — переоценивающих значение соборов и считающих их политической ненужностью, — но оба эти мнения не столько отличались обоснованностью своих аргументов, сколько говорили о политических настроениях самих авторов. Была попытка подойти к изучению земских соборов, став на сравнительно историческую точку зрения, но дальше некоторого сравнения, установления некоторых общих черт в характере земских соборов и средневековых сословных представительных собраний дело не пошло.

К изучению земских соборов Ключевский приложил тот же метод, с помощью которого он изучил боярскую думу.

Политическое значение земских соборов само собой станет ясным, когда будет изучен состав представительства на земских соборах, когда станет известным «строительный» материал, который часто важнее постройки. Отказавшись от беглого обзора соборных рукоприкладств, к которым так часто обращалась историография, Ключевский привлек к делу изучения совершенно новый материал: тысячную книгу, разрядные книги, десяти и стал изучать соборное представительство в связи с тогдашними условиями политической и общественной жизни. Конечно, такая точка зрения оставалась единственно верной, ибо изучив основные принципы, господствовавшие в местном и финансовом управлении, можно было попытаться и выяснить характер действительного значения земских соборов. До Ключевского исследователи прямо и косвенно говорили о сословном представительстве на земских соборах. Ключевский, с помощью замечательных методологических приемов, этот вопрос окончательно разрешил. Ключевский анализирует рукоприкладства, сохранившиеся на актах соборов (1566 и 1598), тщательно следя за служебной карьерой лица, бывшего на соборе, выясняя его отношения к населению, и приходит к печальному для прежней историографии выводу — об отсутствии на соборах XVI века действительного представительства.

По мнению Ключевского, соборное представительство было организовано следующим образом: «Дворяне и дети боярские вместе с торопецкими и луцкими помещиками представляли на соборе многочисленный военно-служилый класс, — они составляли 55% всего состава и принадлежали к высшему столичному классу, делившемуся на три статьи. Занимая в Москве служебное положение, они в то же время явились на соборе представителями местных миров, уездных дворянских обществ, с которыми они были связаны. Такой представитель попадал на съезд с двойственным значением, которому и был обязан своими представительными полномочиями:

как землевладелец, он не выступал из корпорации военно-служилых землевладельцев известного уезда, несмотря на свою принадлежность к столичному дворянству, как столичный дворянин, он становился на походе во главе дворянского отряда своего уезда, наконец, в том и другом качестве он являлся представителем на соборе уездной дворянской корпорации, которой предводительствовал и на походе». Поэтому на соборах XVI века о каком бы то ни было представительстве в собственном смысле этого слова не может быть и речи: дворянские представители призывались на собор «по доверию правительства, а не общества, они являлись правительственным органом, обязанным говорить за своих подчиненных». Такой состав «по должностному правительственному положению, а не общественному выбору», Ключевский находит и на соборах 1598 года, хотя его состав несколько подробнее, сложнее. В то же время Ключевский отмечает новую черту в составе представительства, характерную для соборов XVII века, именно присутствие на соборе выборов представителей дворянских обществ — и притом из их среды... И относительно представительства торгово-промышленного класса Ключевский пришел к таким же выводам, к каким он пришел в исследовании характера дворянского представительства. Таким образом, представительство на соборах XVI века сводилось к совещанию должностных лиц, облеченных доверием правительства и связанных землевладельческими и другими материальными интересами с местными организациями. На организации соборов XVI века сказались принципы, которыми руководилось правительство во внутреннем управлении. В этом отношении земский собор XVI века по своему представительному составу служил высшей формой поруки в управлении — только «в местном управлении обыкновенно мир ручался за своего мирского управителя, а на земском соборе управитель ручался за весь мир». Так осуществлялась в организации собора та круговая порука самоуправляющихся общин, столь необходимая для правильного отбывания повинностей.

Ключевский вполне прав, говоря, что идея представительства стала вырабатываться в сознании общества только в эпоху смуты. Исследование Ключевского составило эпоху в истории земских соборов. Дальнейшие исследователи, воспользовавшись его методологическими приемами, вносили некоторые поправки, дополнения, но по существу не могли изменить выводов Ключевского. Несколько раньше выхода в свет статей, посвященных составу представительства на земских соборах, Ключевским был выпущен ряд статей первостепенной важности, посвященных генезису крепостного права

и его дальнейшему юридическому закреплению и фактическому развитию⁴. И в этих важнейших вопросах Ключевский идет собственной дорогой. Для Ключевского предыдущая историография, говоря о первоначальном закреплении крестьян, только затемнила, запутала вопрос, а не разрешила. Изучали крепостное право как институт, установленный верховной властью в интересах государства, основывая свои мнимые доказательства на указе 1592 года. В этом отношении все существовавшие историографические направления сходились между собой. Историко-методологические приемы, примененные в «Боярской думе», конечно, не допускали подобной конструкции генезиса крепостного права, несостоятельность которой была очевидна. Ключевский устанавливает генезис крепостного права в условиях тогдашней социально-политической жизни.

Правительство не отменяло Юрьева дня — крестьяне потеряли право выхода благодаря развивавшейся экономической задолженности, которая резко бросается в глаза при изучении соответствующего материала. В семнадцатом веке узел крепостного права затягивается все туже и туже, пока Уложение 1649 года не закрепостило всех сидевших на земле и записанных в писцовые книги. Ключевскому удалось установить не только первичный факт в истории крепостного права, — но и по-иному определить самый характер вновь образовавшегося института. Вопреки прежним исследователям, крепостное право с самого своего возникновения стало носить личный характер, что Ключевским ставится в связь с влиянием кабального холопства, на издельное крестьянство, ибо ссуда являлась элементом, сближающим эти два зависимых состояния. Раз крепостное право стало носить личный характер, то его сущность стала заключаться в праве помещиков на его труд, личность и имущество. Ключевский не только дал новую конструкцию генезиса крепостного права, но пустил в научный оборот много нового материала, тщательно изучив порядные грамоты и показав, как растущая задолженность изменила характер самой порядной, все больше и больше переходившей в ссудную запись. Последователи Ключевского внесли кое-какие дополнения и поправки, но основной его взгляд остался в качестве факта, прочно утвердившегося в научном сознании. Изучение крепостного права в XVII веке, во второй его половине, позволило Ключевскому подметить целый ряд любопытных явлений в жизни еще не окрепшего и не развившегося института. Условия помещичьего хозяйства требовали большого напряжения физического труда. Помещики сажают на земельные участки холопов под видом задворных и деловых людей, заставляя их «изделье всякое

делати». Так происходило приближение холопства к крестьянству и одновременно последнее спускалось до холопства. Сближение двух разрядов сельского населения не могло не отразиться на понижении его юридического состояния и на усилении помещичьей власти. Подушная подать, падавшая и на холопа, и на крестьянина, слила эти два разряда населения в один, закрепив за помещиком его полицейские и финансовые привилегии и окончательно дав сложившемуся крепостному институту личный характер. Эта работа потребовала кое-каких дополнений, в зависимости от накопления нового материала, но основные ее взгляды остались без изменения. Таким образом, в своих основных работах, очень важных для изучения исторических судеб нашего народа, Ключевский дал иную постановку вопроса, рассматривая исторический процесс не сверху, а снизу. В новой конструкции исторического процесса, в попытках дать историю народа-общества, поставив ее в зависимость от экономических и политических условий, и заключается основное научное значение Ключевского. В этом отношении его курс является замечательным трудом в смысле общей концепции русской истории — истории народа, темы для работ. Я не говорю, конечно, о том, что теперь можно идти только от Ключевского, сходясь или расходясь с ним. Приходится расстаться с старыми схемами, старыми догматическими построениями. И, кажется, это заметно во всей историографии, и это течение не вызывает сейчас особенно сильной оппозиции. Совсем не то было, когда появлялись работы В. О. Он ими разрушал вековые здания, уничтожал сложившиеся навыки и привычки. Началась борьба в историографии. Борьба была тяжелая, малоблагоприятная для спокойного обсуждения вопроса. Мысль не утомила Ключевского; наоборот, она толкала его вперед, заставляя ее касаться все новых и новых вопросов. Утомился не Ключевский, а его противники. Слишком метко было научное оружие В. О. Вот почему начался отбой по всей линии, мнения Ключевского стали приобретать права гражданства, и В. О. превратился в представителя целой школы, подарившей обществу много ценных работ и оказавшейся достойной своего великого учителя.

